

Ирина Чикалова

Первая мировая война: от первого лица — дневниковые записи и письма с фронта

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Россия ответила мобилизацией, западные губернии переводились на военное положение, а массы народа встретили объявление войны стихийными демонстрациями. Поток газетно-журнальных публикаций патриотического свойства был огромен. Их лейтмотивом стал лозунг: «Должны победить».

Национально-патриотический подъем объединил различные социальные слои. Виднейшие деятели культуры поместили 28 сентября 1914-го в газете «Русские ведомости» воззвание «По поводу войны», в котором заверяли о поддержке курса правительства на освобождение народов мира от «тевнского варварства», единении внутренних сил страны, вы-

ражали уверенность в победе России. В столицах вышли литературно-художественные сборники, доходы от продажи которых шли «на помощь жертвам войны». Многие деятели культуры — Валерий Брюсов, Алексей Толстой, Виктор Муйжель, Федор

Массовая демонстрация жителей Петербурга

Крюков — отправились на фронт военными корреспондентами.

Одной из наиболее впечатляющих акций стало добровольное вступление в армию людей разного возраста и социального состояния, в том числе деятелей культуры. Выдающийся поэт Николай Гумилев приложил много сил, чтобы попасть в действующую армию, с немалым трудом добился своего и с 19 ноября 1914 года по январь 1917 года участвовал в боях. На фронте он не оставлял творчество, вел дневниковые записи, в 17-ти выпусках «Биржевых ведомостей» опубликовал «Записки кавалериста». Гумилев не стремился к широким обобщениям, время для них еще не пришло, но сложенная им мозаика сиюминутных ощущений погружает в мир, где жизнь и смерть разделяет тонкая нить. Местами у Гумилева война выглядела радужно, чуть ли не празднично. Характерен рассказ об одном из эпизодов: «Рослый и широкоплечий полковник каждую минуту подбегал к телефону и весело кричал в трубку: "Так... отлично... задержитесь еще немного... все идет хорошо..." И от этих слов по всем фольваркам, канавам и перелескам, занятым казаками, разливались уверенность и спокойствие, столь необходимые в бою. Молодой начальник дивизии, носитель одной из самых громких фамилий России, по временам вы-

Алексей Толстой — военный корреспондент

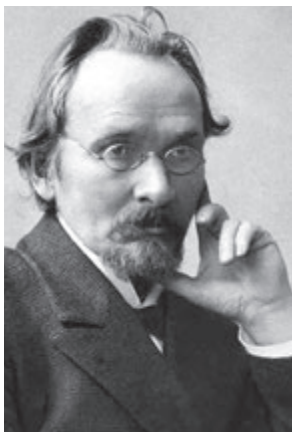

Николай Гумилев в действующей армии

Князь Е. Н. Трубецкой

В. В. Розанов

ходил на крыльцо послушать пулеметы и улыбался тому, что все идет так, как нужно» (Гумилев Н. С. Записки кавалериста. Глава V//Биржевые ведомости. 6 июня 1915).

Ряд философов-интеллектуалов выступил с позиций православного патриотизма. Князь Е. Н. Трубецкой. 8 августа 1914 года на страницах «Русских ведомостей» писал: «Никогда единство России не чувствовалось так сильно, как теперь, и — что всего замечательнее — нас объединила цель не узко национальная, а сверхнародная. В этом — причина тех симпатий, которые мы вызываем, в этом и источник нашей силы, в этом надежда на нашу победу» (Трубецкой Е. Смысл войны. Вып. 1. М., 1914). Выдающийся философ В. В. Розанов в работе «Война 1914 года и русское возрождение» писал: «Эти дни, когда зашевелились мозги части военного тела России, мы осязательно и зрительно

но ощутили воочию и плечом около плеча, что такое "Государство" и что такое "Отечество"» (Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915). Писатель Леонид Андреев свое принятие войны объяснял тем, что «на чашу роковых весов возлагалось не только настоящее, но и будущее России». По его словам, борьба идет «не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную...» (Андреев Л. Н. В сей грозный час. Пг., 1915).

Многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые надеялись, что с окончанием войны человечество вступит в новую эру. Как размышлял в 1914 году депутат I Государственной Думы, профессор Московского университета С. А. Котляревский, «мы переживаем великий перелом — и не только в той сфере, в которой непосредственно проходит война. Создаются новые отношения между государствами и между народами, закладываются новые основания для устройства этих государств, новые пути развития этих народов, но, кроме всего этого, меняется та духовная атмосфера, в которой жило и с которой свыклось современное человечество» (Котляревский С. А. Война//Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 124—4). Ректор Петербургского университета профессор Э. Д. Гримм писал: «Когда она началась, одни отнеслись к ней как к празднику своей силы, другие как к неустранимому испытанию, но все сразу поняли, что решаться тут будет не вопрос самолюбия и не вопрос о приобретении или утрате стольких-то квадратных миль территории, а вопрос национально-государственного существования, вопрос о всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры» (Гримм Э. Д. Борьба народов//Вопросы мировой войны: сб. ст. Пг., 1915).

Посол Франции в России Морис Палеолог свидетельствовал: «Война, по-видимому, возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма. Сведения, как официальные, так и частные, которые дохо-

Проводы
на войну
добровольцев

Солдаты
у казармы
Гвардейского
экипажа
перед
отправкой
на фронт

дят до меня со всей России, одинаковы. В Москве, Ярославле, Казани, Симбирске, Туле, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове, Самаре, Тифлисе, Оренбурге, Томске, Иркутске — везде одни и те же народные восклицания, одинаковое, сильное и благородное усердие, одно и то же объединение вокруг царя, одинаковая вера в победу, одинаковое возбуждение национального сознания. Никакого противоречия, никакого разномыслия» (Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. М.; Пг., 1923).

В основе подобного отношения к войне лежало общее настроение, которое социал-демократ Г. В. Плеханов выразил в таких словах: «я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению». Этот лейтмотив стал доминирующим в выступлениях политических деятелей всех направлений. Лидер кадетов П. Н. Милюков позже вспоминал о настроениях, которые возобладали в момент объявления войны: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача — поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия». Руководитель пар-

тии «Союз 17 октября», председатель Государственной Думы М. В. Родзянко говорил М. Палеологу: «Война внезапно положила конец всем нашим внутренним раздорам. Во всех думских партиях помышляют только о войне с Германией» (Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. М.; Пг., 1923).

События на фронтах с первых дней Великой войны находили освещение на страницах периодической печати и предназначенных для массового читателя книжных изданий. Особую ценность приобрели свидетельства очевидцев с фронта. В. В. Розанов писал: «Как задыхающемуся нужно глотнуть воздуха, так вся Россия внутри себя жадно глотает каждую восточ-

ку с войны. Тут входит жажда слиться воедино с лучшими сынами своими... <...> Все умерло для нас, кроме их <воинов>, вся страна замерла и не хочет ничего, не ждет ничего, кроме "весточки оттуда"!..» (Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915). И издательства не медлили с выпуском фронтовой литературы.

С самого начала военных действий началась публикация дневников и писем из действующей армии, фактически наскоро сделанных зарисовок, облеченных в литературную форму. Принадлежали они ее рядовым участникам — солдатам, унтер-офицерам и в небольших чинах офицерам. О мотивах публикации заметок и очерков, как собственных, так, можно полагать, и других авторов, А. М. Федоров, получивший тяжелое ранение на фронте, заметил: «Все происходившее и переживаемое представляло настолько громадный психологический, бытовой, а главное — исторический интерес, что каждый миг наблюдений и впечатлений в этой всемирной войне должен быть важен и для нынешнего общества и для потомков, которые будут искать в малейшем свидетельстве очевидца отражений кровавой эпохи, несомненно — самой кровавой от века веков и донныне и несомненно неповторимой во веки веков и впредь» (Федоров А. М. С войны: очерки. М., 1915). Основанные на личных впечатлениях рассказы, взятые все вместе, составляют картину народного подвига.

Призванный в армию крестьянин Штукагуров, родом из окрестностей Гжатска, а в межсезонье рабочий Путиловского завода, в армии младший унтер-офицер, в дневниковых записях отметил состоявшийся по дороге на фронт разговор. Попутчик спросил его: «Что ты защищаешь?». «Я ответил, что защищаю своих близких, дома, поля и спокойствие жены и детей». Собеседник ответил вопросом: «Велико ли твое поле, хорош ли твой дом?». Но для Штукагурова главенствующий жизненный императив определялся не размером материального достатка: «Я сказал, что хотя и мало мое поле, и неважен дом,

но оно мое». Воспитанное народной традицией природное стремление делать свою работу, как лучше, проявил себя и в воинской службе на полях боевых сражений, даже если это было сопряжено с риском для жизни.

Время и условия издания по соображениям военной тайны налагали существенные цензурные ограничения на описание событий. Необходимо было обходить стороной боевые неудачи и проблемы — их обнародование могло вызвать общественное возмущение, бросить на армию тень сомнений в ее боеспособности. Общая черта фронтовых записок — повторяемость сюжетов и одинаковость подходов к характеристике войны. При этом в дневниковых записях особенно отчетливо проявлялось личное восприятие войны, на основе нажитого опыта раскрывались несколько главных тем: боевые действия в наступлении и оборонительных окопных боях, оснащение оружием, боеприпасами, снаряжением, солдатский быт, отдых и питание; а в завершающий период войны — нарастание недовольства командованием, отказ от участия в войне и дезертирство, жизнь в плену.

Уже в 1914 году в Петрограде вышла книга «В огне. Боевые впечатле-

Русские солдаты в окопе

Офицеры
русской
армии
Трофейная
гаубица, взятая
русскими
у австрийцев

Полевая
кухня

Прапорщик русской
Императорской армии

ния участников войны». Она не что иное, как сборник фронтовых зарисовок без указания каких-либо сведений об авторах и месте описываемых событий. Собственно, в одном из посланий есть и объяснение этому: «Не назову части, где служу, не назову

даже места, где мы дрались... нам воспрещено об этом говорить... Но о том, что я пережил в бою, я могу вам рассказать». И автор, артиллерийский офицер, выполняет свое обещание: «Вижу немцы пошли в атаку... Один полк неприятеля расстрелян, расстрелян второй, а я все навожу и стреляю... Нервная дрожь исчезает, я прихожу в ярость и без всякого сострадания паляю в неприятеля... А он все подступает, и все ложится. Я не понимаю вражеского маневра. Но что мне он сейчас? Я занимаю удачную позицию и кошу его, точно крепкий батрак, с косяю в руках забравшийся на густое клевер-

ное поле» (В огне. Боевые впечатления участников войны. Пг., 1914).

Эмоциональное состояние солдата в бою, его отношение к врагам и долгу по защите собственной страны позволяют представить и другие тексты. В предисловии к одной из книг фронтовых записок составитель указывает: «Книга эта — не выдумка: в ее основание легли подлинныя рассказы очевидцев, раненых офицеров и солдат, напечатанные в разных газетах и журналах, и составитель воспользовался ими, чтобы дать возможно полное описание того, чем полны все сердца, к чему устремлены мысли всех русских от мала до велика» (Каринцев Н. А. За родину!: картины войны. М.; Пг., 1915). Ее содержание составляют очерки: о боях («В поход!», «В окопах и в бою», «После сражения», «У походной кухни»); о героях («Герой Львова», «Геройская смерть Нестерова», «Подвиг поручика Парта», «Незаметные герои», «Женщины-герои»); о помощи раненым («Первые раненые», «С санитарным поездом», «Забытые госпитали», «Сестра Царя»), о зарубежных землях, на которые вступила русская армия («В Восточной Пруссии», «В походе по Галиции», «Львов»). Цель сборника вполне определенная: показать тяжкий воинский труд солдат и офицеров, их самоотверженность в боях, вызвать сочувствие и поддержку армии в народе. Вышли и другие публикации подобного содержания. Насколько достоверной была информация в них? Здесь возможно сочетание правды и авторского вымысла, хотя некоторые авторы стремились уверить в правдивости рассказанного. В целом же книг и брошюр с описанием боев, состоявшихся неизвестно где и проходивших с участием неведомо каких частей, а то и просто бытовых жанровых зарисовок, было немало. Но были и другие.

Ежедневные записи сотрудника журнала «Голос Руси» О. Козельского за 22 августа 1914—21 декабря 1914 года составили книгу «Записки батареинного командира». Дневник открывается записью от 22 августа 1914 года: «В ночь на сегодня пришли в Вильну. Здесь уз-

нали, бесконечно осчастливившую всех нас, радостную весть <...> о поражении миллионной австрийской армии, вошедшей в Люблинскую и Холмскую губернии и в Галиции; австрийцы отступают в полном беспорядке, бросая легкие и тяжелые орудия, артиллерийские парки и обозы. Наши трофеи огромны». 11 сентября 1914 года Козельский сделал запись: «Передают, что немцы идут к Неману в составе не менее девяти корпусов, занимая по фронту линию от Ковно до Гродно. У нас собраны кажутся тоже большие силы и, надо думать неприятелю не поздоровится. <...> Сейчас перед нами открывается величественная и страшная картина. На горизонте, а в некоторых местах кажется и совсем близко пылают пожары. Это германские полчища освещают проходимый ими путь. В воздухе стоит неумолчный гул, в котором смешивается и отдаленная пальба орудий, и легкая ружейная трескотня, ... и скрип наших обозов в тылу, и вдруг пронзающее эту своеобразную тишину близкое ржанье лошади. А все это покрывает сознание близости врага и смертельной борьбы с ним. <...> Вспоминается наш путь сюда, деревни, через которые мы вчера шли, люди, которые нас там встречали, и вся эта мирная сельская природа. Все это затянато в водоворот кровавой войны, все это должно испытать ее ужасы — разорение, разрушение и смерть...» (Козельский О. Записки батареинного командира: составлены по письмам, заметкам и рассказам участника войны. Пг., 1915. Вып. 1). В дневнике Козельского — фронтовые будни, в бою под Лодзью автор был ранен, попал в госпиталь и был отправлен домой.

Нет описаний как таковых боевых будней в книге очерков «Вслед за войной» военного корреспондента газеты «Речь» С. С. Кондурушкина. Война его застала на Кавказе, откуда он поездом отправился на запад страны — доехал до Варшавы, Люблина, побывал в Кельцах. Он воспроизводит разговоры с людьми, которые ему встретились по дороге, без ура-патриотического пафоса описывает свои наблюдения: «Чем дальше от Петрограда на Запад,

тем непосредственное, тем ошутительнее тревога войны. И есть на этом пути такая черта, за которой уже никто не может ни о чем, кроме войны, думать и говорить. Живут люди, ходят на работу, на службу, любят, устраивают свою жизнь, но на всем — веления войны, все ей подчинено — мысли, чувства, поступки, даже сны» [Кондурушкин С. С. Вслед за войной. Очерки великой европейской войны (Август 1914 г. — март 1915 г.). Пг., 1915].

Чем выше было служебное положение автора, тем более широким представляется его взгляд на ход военных действий. П. М. Андрианов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, полковник, на фронте служивший начальником штаба 105-й пехотной дивизии, напечатал несколько очерков в «Одесском листке». Их доминирующий стержень — уверенность в силе русской армии: *«Все здесь сознают, что без решительной победы над врагом война не кончится и если далеко от полей сражения иногда возникают мрачные предположения об исходе войны, то в армии, являющейся главным действующим лицом, в грандиозной кровавой эпопее, таким сомнениям и предположениям нет места. Это, кажется, почувствовал противник, потерявший надежду на благополучный исход войны <...> В своем беспредельном пространстве Россия обретет спасение от вражеского нашествия, найдет не только свой верный, надежный щит, но и свой грозный карающий меч. Чем дальше на восток проталкивается волна вражеского нашествия, чем больше пространства она захлестывает и покрывает, тем труднее становится положение наших врагов, тем безнадежнее рисуется им окончательный исход грандиознейшей кампании»* [Андрианов П. М. Очерки войны (Письма из действующей армии). Вып. 1. Одесса, 1915]. Рассуждения Андрианова были созвучны умонастроениям многих людей, если не большинству народа.

Подробно, шаг за шагом, освещал упорные бои на всех участках русско-германского фронта в 1915 году А. А. Носков, работавший в петро-

градской ежедневной газете «Вечернее время». Отступления российских войск трактовались им в духе временной неприятности, которая успешно преодолевается. Журналиста впечатлило, и вполне справедливо, взятие 9 марта 1915 г. крепости Перемышль в Галиции: *«9 генералов, 93 штаб-офицера, 2500 обер-офицеров и чиновников и 117 тысяч нижних чинов попало в наши руки вместе с большой материальной частью артиллерии и прочим боевым имуществом»*. С территории белорусских губерний также хорошие известия: «новыми усилиями весь наш западный фронт к 25 сентября уже совершенно выравняется на линии озер Дрисвяты — Нарочь — Вишневское и с. Сморгонь — Любча — Крошин — Ляховичи, где и ставит преграду дальнейшему движению врага». Главный итог этого периода войны, по мнению Носкова: *«Россия скоро потряхнула с себя первое горькое и тяжелое чувство утраты. Призвав на помощь хладнокровие и рассудок, она увидела, что утрачено лишь то, с чем еще задолго до войны мирилась здравая стратегическая мысль, и что принесенная жертва не больше, как следствие исторических причин, в свое время передавших в наши руки так называемый польский передовой театр»* (Носков А. А. Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Русский западный фронт. Пг., 1916).

Пехотный подпоручик, сотрудничавший с разными периодическими изданиями В. М. Белов публиковал в них очерки о войне, собранные под одной обложкой в двух книгах: «Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника» и «Лицо войны. Записки офицера». Каждая из них представляет собой сборник лаконичных рассказов о фронтовых буднях и конкретных эпизодах личного участия в сражениях солдат и офицеров. В них нет ни широких обобщений, ни привязки ко времени событий и месту конкретных боевых операций воинских подразделений, показана лишь психологическая реакция солдат и офицеров, оказавшихся в необычных ситуациях между боями

и в смертельно опасных боевых схватках. Отличие подобных беллетризованных публикаций о боях и буднях войны состоит только в том, что герои их названы по именам, а не обозначены инициалами, а действия в некоторых публикациях привязаны к конкретным городам и местностям, что делает авторские рассказы более реалистичными, приближенными к жизни.

Во втором полугодии 1916 г. в журнале «Северные записки» стали печататься очерки «Из писем прапорщика-артиллериста» (за 1914–1915 гг.), написанные их автором в госпитале и адресованные матери, жене и однополчанам. Первое письмо датировано 12 сентября 1914 года, последнее — 4 марта 1917 года. В письмах за подписью «Н. Лугин» подробно запечатлены картины военного быта, потеря товарищей. 14 октября 1914 года автор пишет: *«Вот уже шестой час стоим мы у австрийской границы и не можем переправиться ввиду заваленности дороги военным грузом. Следы войны здесь, как открытые раны. Сожженные построй-ки, опаленные кусты, разбитые бронзовые пушки австрийцев, поезда с ранеными, пленными, и на каждой станции страшные рассказы санитаров и врачей. Все эти впечатления я уже не воспринимаю, а умело топлю в своей душе, привязывая каждому к шее тяжелый груз моего упорного нежелания знать». «Не пришло ли тебе в голову, читая и слыша, как много за последнее время умерло выдающихся людей, что умерли все не от болезней, а от того безумия и страдания, что война принесла в мир?»*, — пишет автор матери 28 октября 1915 года. Фактически перед читателем на страницах книги представало документальное автобиографическое свидетельство войны в форме эпистолярного романа, написанного ее участником — русским офицером. За псевдонимом «Н. Лугин» скрывался настоящий автор — Федор Степун. Он, воспитанник Гейдельбергского и Фрейбургского университетов, защитивший докторскую диссертацию по философии Вл. Соловьёва, в возрасте 30 лет попал на австрийский фронт, был ранен. Позже Степун доба-

вил письма за 1916 и 1917 годы и опубликовал их целиком. Отдельным изданием они вышли в Праге в 1926 году и почти полностью, но с некоторыми изменениями, включены в его воспоминания «Бывшее и несбывшееся».

Оставили свои дневниковые наблюдения и медицинские работницы. Военный врач Л. М. Василевский в своей записной книжке, которую, как он пишет, «вел очень нерегулярно», воспроизводит различные эпизоды войны, отмечает, как быстро человек привыкает к новым условиям, в частности, к бомбардировкам. Свое знакомство с немецкими бомбами он описывает так: *«Эпизод с бомбой произвел на меня жуткое впечатление. Но это только в первый раз: в течение пяти недель городок почти ежедневно подвергался налетам, так что к бомбам мы привыкли очень скоро»*. А в деревеньке под Гродно, куда врачей «забросил случай войны», они вдруг услышали стройное хоровое пение. Это были пленные солдаты австро-венгерской армии, поющие по-сербски. Оказывается, привезли сюда «около тысячи человек, из-за Днестра»: *«"лоскутная" страна прислала сюда самый пестрый состав своих сынов, — мадяр вместе с сербами, поляков с хорватами, чехами и словенцами. И эта разноязычная масса не смогла сговориться с нашими. Но вскоре человек шестьсот из них развезли по разным частям фронта, а здесь остались почти исключительно сербы, в большинстве православные к тому же...»*. Отношение местного населения к пленным дружелюбное: *«давно известно, что у нашего солдата нет никакой злобы к вчерашнему врагу, и никакие гнусности немцев по отношению к нашим пленным не вытравят в нем широты сердца»* <...> *«Живется бывшим врагам у нас очень недурно: я интересовался этим как врач. Кормят их сытно, почти наравне с солдатским паком, работой не слишком обременяют»*.

Пишет Василевский и о самих госпиталях, где *«раненые — вперемежку с больными: тут не до строгого разделения тех от других, только бы разместить всех»*. *«Я бы даже сказал, что*

Русские солдаты делятся едой с австрийскими

Военный госпиталь

здесь, у больничных коек, легче и вернее дается изучение нашей армии, ее души, ее чаяния и надежд, чем "там" — среди грохота и борьбы». Так, в углу беседует группа кажется о чем-то духовном — «о жизни святого, о муках за веру... Но подойдите ближе, взгляните в блестящие взволнованные глаза слушателей — и вы изумитесь: "Жила-была коза-дереза, съела капусты три воза", — рассказывает широкоплечий солдат с рукой на косынке» (Василевский Л. М. По следам войны: впечатления военного врача. Пг., 1916). Взрослые, сильные главы семейств, отцы и мужья, «оторванные от привычной жизни, втянутые приводным ремнем в машину войны», оказавшись на больничной койке, с удовольствием слушали детские рассказы, как будто они могли вернуть их в мирное светлое довоенное время.

Поражение в Восточной Пруссии, отступление русской армии из Галиции, Польши и Литвы летом — осенью 1915 года, занятие германскими войсками огромной территории страны, тяжелые потери и все более размывавшиеся перспективы победы привели к разочарованию. Тот же Брюсов уже в мае 1915 года окончательно вернулся с фронта, не имея ни малейшего желания вновь видеть поле сражения. Осенью 1915 года эсеровский идеолог, будущий знаменитый социолог и культуролог Питирим Сорокин высказывался лишь за «успешную оборонительную войну на основе внутренних реформ» [Сорокин П. А. На рас-

путе трех дорог (Война и отношение к ней русской общественной мысли)//Ежемес. журн. 1915. № 9—10]. Как точно определил великий князь Александр Михайлович, «восторги первых месяцев войны русской интеллигенции сменились обычной ненавистью к монархическому строю».

Растянувшаяся на два с половиной года позиционная война способствовала изменению настроений в армии, солдаты которой много месяцев жили в окопах, растянувшихся по линии Рига — Двинск — Поставы — Сморгонь — Барановичи — Пинск — Дубно — Тарнополь. Сидевшие напротив них в таких же окопах германские солдаты, хоть и по-прежнему враги, но также уставшие от войны и мечтавшие о возвращении домой: «Немцы-германцы каждую ночь идут до нас в окопы в плен. Их офицеры бьют за то, что они переходят, а они говорят, что у них хлеба нет.

3 марта 1918 года Россия вышла из войны

И как они придут, то наши солдаты их накормят и напоят и обратно отправляют, а они говорят так, что нам все равно помирать что тут, что там. Что хотите с нами делайте, а мы не пойдем назад, лучше мы будем у вас помирать, а назад не пойдем», — пишет в 1917 г. русский солдат в письме домой. Патриотический пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями против «современных тевтонов с новейшей техникой», начал уступать место другому призыву — закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, кто развязал кровавую бойню.

Отличительной стороной текстов, оставленных рядовыми участниками войны и напечатанных уже после войны, является стремление оправдать отказ солдатской массы от войны. Один из авторов таких воспоминаний, сын зажиточного крестьянина В. Дмитриев, добровольцем пошел на фронт. По его рассказу, лишения фронтовой жизни, бои без снарядов и патронов (*«немцы наступали, а нам запрещали расходовать патроны: работайте штыком, патронов нет»*), унижительное и бесправное положение солдат (в чем можно усомниться, поскольку автора книжки самого выдвинули из рядовых в командиры взвода) побудили его не только добровольно сдаться в плен, но и увести за собой подчиненных солдат. Вот его признание: *«Решил сдаться в плен. Случай скоро представился. Ночью на 7 июля я был послан со взводом в разведку. На восходе*

солнца мы с опушки леса увидели невдалеке австрийские окопы. Подзываю земляков и говорю: идем, ребята, в плен... Побросали винтовки. Надели на штык белую рубаху и вышли на опушку леса...» (Дмитриев В. Доброволец: воспоминания о войне и плене. М.; Л., 1929). Подобное пренебрежение воинским долгом по защите Отечества, которое не может расцениваться иначе, как измена, и не вызвать осуждения, во времена СССР применительно к Первой мировой войне одобрялось и рассматривалось как доказательство большевизации солдат на пути к революции. Но не большевистская пропаганда была решающим фактором распада армии — она разлагалась под воздействием многих других обстоятельств. Февральская же революция, открывшая всем партиям возможность политической работы в войсках, лишь добила армию, приведя ее к окончательному краху. Рядовой солдат Пирейко констатировал: *после Февральской революции «армии как таковой уже не существовало. Кто хотел, тот без всякого разрешения уезжал к себе домой»* (Пирейко А. М. В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. Л., 1926).

Ирина Ромуальдовна Чикалова — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета